

«ХОРОШО БЫЛО ЖИТЬ НА ДАЧЕ...»

*Дачная и усадебная жизнь
в фотографиях и воспоминаниях*

УДК 94(47)"18/19"(084.1)

ББК 63.3(2)5я6

Л13

Издание осуществлено при финансовой поддержке ООО «Дом семейных традиций»

Благодарим за предоставленные фотографии:

Виктора Оттовича Штульмана, Александра Васильева,
Татьяну и Сергея Подстаницких, Веру Ивановну Прохорову,
Андрея Семеновича Степанова, Марию Яковлевну Чапкину,
Алексея Адриановича Овчинникова, Анну Андреевну Хвалебнову, Ольгу Арсеньевну Суворову,
Ольгу Игоревну Демушкину,
Наталию Григорьевну Жиркевич-Подлесских
Дизайн и компьютерная верстка – Ольга Нихамовская
В оформлении использована фотография компании iStockphoto LP

Лаврентьева Е.В.

Л13 «Хорошо было жить на даче...»: Дачная и усадебная жизнь в
фотографиях и воспоминаниях. – М.: Этерна, 2011. – 224 с.: ил.

ISBN 978-5-480-00163-1

В альбоме представлено около 340 дачных и усадебных фотографий конца XIX – начала XX века, сделанных как любителями, так и профессионалами. Среди них – не публиковавшиеся ранее работы А.С. Мазурина, мастера отечественной фотографии. Завершают книгу уникальные семейные архивы, посвященные дачной и усадебной жизни дореволюционной России.

УДК 94(47)"18/19"(084.1)

ББК 63.3(2)5я6

ISBN 978-5-480-00163-1

© Е.В. Лаврентьева, составление, предисловие, 2011

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2011

Иллюстративно-художественное издание

ЛАВРЕНТЬЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА

«ХОРОШО БЫЛО ЖИТЬ НА ДАЧЕ...»

**ДАЧНАЯ И УСАДЕБНАЯ ЖИЗНЬ
В ФОТОГРАФИЯХ И ВОСПОМИНАНИЯХ**

Редактор *Н.В. Комарова*

Дизайн и компьютерная верстка: *О.К. Нихамовская*

Технический редактор *Т.Ю. Симонова*

Корректоры *Г.Н. Барышева, О.В. Круподер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.07.2011 г.

Формат 60х90/8. Гарнитура PalladiumSanPin

Печ. л. 28. Тираж 2 000 экз. (третье издание)

ООО «Издательство «Этерна»

115477, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru

«... Кто не пил кофе, заедая его земляникой, тот не знает настоящего вкуса ни кофе, ни земляники...»

Е. Лаврентьева. «Хорошо было жить на даче...»

Знакомясь с книгой-альбомом Елены Лаврентьевой «Хорошо было жить на даче...» — такой лёгкой, «вкусной», летней — удивляешься прежде всего двум вещам. Во-первых, тому, насколько знакомыми и близкими вдруг становятся нам герои фотографий, буквально с третьей страницы, словно все мы — гости одного большого семейного пикника, устроенного ну никак не сто лет назад, а прямо здесь и сейчас.

А во-вторых, удивительно это чувство «легкого дыхания», на котором ты буквально «пролетаешь» по страницам дачной жизни, не предполагая даже, что перед тобой — результат многолетнего кропотливого труда исследователя, коллекционера, редактора и автора в одном лице.

Не понаслышке зная о трудностях и препятствиях, возникающих на пути исследователя (поскольку генеалогический поиск, восстановление семейных архивов и традиций — одно из главных направлений деятельности «Дома семейных традиций «Христиан»), мы буквально «снимаем шляпу» перед талантом Елены: ей удалось рассказать об очень важных и во многом утраченных сегодня понятиях так, что читатель чувствует себя непосредственным участником событий вековой давности...

Так, живые семейные истории и чувство сопричастности — вот то, что породило нас с автором и побудило принять участие в издании этой книги... Так же как и удивительная магия самих фотографий: они манят, интригуют, заставляют пересматривать их снова и снова, вглядываясь в лица изображенных на них людей. Ведь, вполне возможно, среди них есть наши дальние родственники, или их друзья, или друзья друзей... Они — таинственные обладатели рецепта круассона из ревеня, способов «покрышки клубники на зиму», парюров, куафюр, а еще — светлых, одухотворенных лиц и великолепной русской речи... Их образы хранят память о том, откуда мы родом и куда держим путь...

Семья — удивительный дар Бога человеку, благословенный путь достижения полноты бытия. Знание истории своей семьи, живая память о предках — их облике, привычках, поступках — удивительным образом формирует отношение человека ко времени. Почему нам так важно помнить о том, что было задолго до нашего рождения? Почему так жадно всматриваемся мы в старинные фотографии? Верно потому, что это одна из редких возможностей через зримое прикоснуться к незримому. Через вещь осязать Вечность и получить подтверждение нашим догадкам о том, что время — это совсем не то, что показывают наши часы...

Как же не радоваться вместе с обладателями богатейших семейных архивов, полученных в наследство от предков? В их руках — бесценное сокровище, вместе с которым они унаследовали и живую, не рвущуюся нить семейных традиций... Но ещё большую радость испытываем мы вместе с теми, кто сумел возродить свою память из небытия: это поистине чудо наблюдать, как меняется душа и жизнь человека, обретшего историю своей семьи!..

Поздравляем читателя с Открытием, весьма вероятно последующим за открытием этой книги!

От автора

На даче

Кто-то скажет: Божья милость,
Кто-то – Божья благодать!
Время здесь остановилось.
Смысла нет чего-то ждать.

Сквозь зеленых листьев сито
Солнце медленно струится.
Все плохое позабыто.
Все хорошее случится.

К счастью путь лежит простой:
Мимо сосен, вдоль жасмина.
День течет, как мед густой,
Из бездонного кувшина.

«Окрестности Москвы были прекрасны. Они постепенно обстраивались дачами, и эти деревянные дачи были летом поэтичны... Эти дачи были, как новые игрушки, выглядывающие из леса. В даче пахло сосной, из лесу и из сада неслись ароматы цветов и сена.

«Хорошо было жить на даче, – как в раю», – вспоминал художник Константин Коровин.

В конце XIX – начале XX века дачное строительство получило широкое распространение. Дачи активно сдавались в аренду. «Пушкино уже было в то время большим дачным поселком. Здесь имели дачи многие почтенные представители московского духовенства, и в том числе отец Василий, у которого было целых три дачи», – читаем в воспоминаниях Сергея Соловьева. Многие предпочитали снимать одну и ту же дачу каждый сезон. Москвич Николай Михайлович Шапов рассказывает: «Живем мы, сколько я себя помню, на одной и той же даче подрядчика Горбунова, в Сокольниках, около Богородского моста в Алексеевском (Ростокинском) проезде. Снимает ее отец за 500 руб. в год. На ней остается на зиму много нашей специально дачной мебели, но все же возов пять перевозится ежегодно туда и обратно с бельем, одеждой, книгами, посудой, игрушками, кухонной утварью, корытами, бочками, курами и т.д.»

Содержание усадьбы обходилось гораздо дороже, чем 500 рублей в год. Обедневшие наследники спешили расстаться с имениями своих дедов и отцов. Те же, кому удавалось «выстоять», противопоставляли «дачную жизнь» усадебной, разумеется, в пользу последней.

«Мы неизменно проводили длинные летние каникулы на Вергеже, – пишет Ариадна Тыркова-Вильямс, – а позже мама и совсем там поселилась. Мы никогда не жили на даче, и в самом слове “дачники” нам слышалось что-то мещанское, непривлекательное. Из года в год переселялись мы в мае на Вергежу, в сентябре возвращались в Петербург».

Сформировавшийся «элегический культ усадьбы» в конце XIX – начале XX века оказывал влияние на новых владельцев из буржуазной, купеческой, интеллигентской среды. Приобретенные усадьбы хозяева все чаще именуют дачами. Ученый Владимир Дмитриевич Зёрнов (1878 – 1946) начинает свои мемуары с описания усадьбы Дубна: «За несколько дней до моего рождения папа купил в Серпуховском уезде, в 10 верстах от станции Лопасня Курской железной дороги, усадьбу с красивым названием Дубна. Дом был просторный, двухэтажный, но его сейчас же пришлось чинить, так как крыша была тесовая и в дождь текла, как решето... Это была *дача* (курсив мой. – Е.Л.), но довольно большая – 10 десятин. При доме имелся тенистый липовый парк, там росло несколько громадных старых елей, по-видимому, остатки балее старого парка, посаженного в тридцатых годах XIX столетия».

К концу XIX века характер усадебного строительства коренным образом изменился. Активное участие в создании комплексов небольших усадеб принимает художественная интеллигенция. Входят в моду дачные и усадебные фотографии. Примечательно свидетельство Павла Граббе: «Отец был одним из первых энтузиастов фотографии в России. У меня есть его портрет – молодой офицер со старомодной камерой в ящике. Позже у него был “кодак”... Экипировка его была проста, а общение с Государем давало интересные сюжеты. Васильевское было еще одним из постоянных сюжетов его фотографий. К поместью своему отец питал особые чувства. Оно было очень красиво, и кроме того, это было родовое поместье его семьи».

Страстным фотографом был и писатель Леонид Андреев. Его дочь вспоминает: «Папа увлекался цветной фотографией, которая была редким достижением науки того времени. Он выписывал пленки откуда-то из-за границы, у него был большой фотографический аппарат на длинных ножках, который он приносил, как только видел что-нибудь примечательное. Он без конца снимал каждый уголок нашего дома и всех родных и знакомых. В период увлечения фотографией в доме только и слышно было разговоров, как о негативах, позитивах, фиксажах и проявителях...

Фотографии делались на стекле, и надо их было рассматривать на свет в специальный стереоскоп, чтобы картина приобретала перспективу и глубину. Это было очень красиво: нежные, совершенно натуральные краски сообщали фотографии живость и природную

естественность. Казалось, в открытое окно созерцаешь какой-то изумительно красивый вид, – иллюзия была так велика, что чувствовалось даже легкое прикосновение ветерка на щеках и запах цветов, так ярко цветущих на снимке».

В альбоме, который вы держите в руках, представлено около 340 дачных и усадебных снимков, сделанных как любителями, так и фотографами-профессионалами. В ряду мастеров отечественной фотографии особое место занимает Алексей Сергеевич Мазурин. Представитель одной из богатейших купеческих фамилий, не имея профессионального художественного образования, он становится выдающимся мастером фотографии. Излюбленные сюжеты его снимков – «картинки» русской деревни, проникнутые ностальгией по уходящему помещичьему быту. Персонажи его постановочных фотографий – переодетые в народные костюмы родственники и знакомые. Это, однако, не умаляет их художественного достоинства. В предлагаемом издании содержится 15 не публиковавшихся ранее снимков А.С. Мазурина. Последняя из известных датированных фотографий мастера, где он изображен вместе с сыном, относится к 1915 году. Дальнейшая судьба фотографа неизвестна.

К сожалению, неизвестны судьбы и многочисленных персонажей представленных здесь фотографий. Я радуюсь возможности собрать их вместе, радушных хозяев и беззаботных гостей, модных дачниц и влюбленных дачников, заботливых нянь и их непослушных воспитанников, крестьянских мальчишек и гимназистов – словом, всех тех, кто спустя сто лет дарит нам мечту о «беспечной, веселой и в то же время достойной жизни».

В моей коллекции старых писем есть одно трогательное послание, датированное 6 декабря 1915 года: «Дорогой мой, родной, неоцененный Никочка! От чистого сердца поздравляю Тебя, моя радость, с тем, что Ты сегодня Ангельчик, и горячо желаю полного здоровья и исполнения желаний: выиграть, купить дачу и в полном смысле отдохнуть...»

Дачный отдых вполне совмещался с работами в саду, разведением цветов и растений. Большой популярностью на рубеже веков пользовался журнал «Сад и огород». На его страницах помещалась разнообразная реклама, полезные советы, которые не утратили своей актуальности и в начале XXI столетия. Чтобы передать атмосферу, «интонацию прошлого», мы постарались сохранить орфографические и синтаксические особенности представленных журнальных текстов и воспоминаний.

Завершают книгу уникальные семейные архивы, посвященные дачной и усадебной жизни дореволюционной России.

*«Жизнь у всех
дачников была почти
одинакова...»*

Окрестности Москвы были прекрасны. Они постепенно обстраивались дачами, и эти деревянные дачи были летом поэтичны. Летом в Москве – духота, жара. Москвичи уезжали по железным дорогам на ближайшие от Москвы станции.

Были излюбленные места: Кунцево, Перово, Царицыно, Пушкино, Перловка, и все новые места открывались москвичами.

Понравилось Томилино по Рязанской железной дороге, и там на приволье, в лесу, близ речки, строили дачи. И какие дачи! Из сосны, с резьбой, финтифлюшками. Внутри дача разделялась на комнаты. Из зала через стеклянную дверь выходили на террасу; на террасе обедали, пили чай. Терраса спускалась в сад, полный сирени и жасмина. Эти дачи были как новые игрушки, выглядывающие из леса. В даче пахло сосной, из лесу и из сада неслись ароматы цветов и сена. Хорошо было жить на даче – как в раю.

К. Коровин. Лоботрясы

*На обороте: Дача Харкевича в Подольске (Московской губернии).
Здесь когда-то мы с Дорейкой жили, весело, до революции*

Мы собирали полевые цветы, причем букет из папиных любимых маков, ромашек и колокольчиков ставился обязательно в кабинет, на письменный стол. Для остальных членов семьи тоже собирались букеты: мамин – ландыши и шиповник, бабушкин – дикая гвоздика и кашка, тети Наташин – ночная фиалка и те желтые, нежные цветы, которые растут на сырых тенистых лугах, – у них круглые головки и лепестки завернуты внутрь, как у маленьких брюссельских капусток. Возможно, что одаренные нами взрослые для того только, чтобы доставить нам удовольствие, так шумно выражали свой восторг, но мы принимали их эмоции за чистую монету и не жалели трудов, лазая по оврагам и бегая на отдаленные луга в поисках их любимых цветов.

В.Л. Андреева. Эхо прошедшего

На обороте: Снимались в Пушкине. Июль 1899 г.

В каретном сарае стояли еще дрожки, транспорт для мужчин, – доска небольшой длины на четырех колесах, своего рода «джип» тех времен, легкий и практичный. На дрожках ездили, сидя верхом. К экипажам более классического типа относились пролетки, поменьше и побольше, запрягаемые двумя или тремя лошадьми, – в последнем случае это и была так называемая «тройка». Более элегантный шарабан, заказанный матерью в Варшаве, запрягался парой «по-английски». Этот экипаж высокой посадки, желто-черный, несмотря на его щегольской вид, представлял собой небезопасное средство передвижения, так как легко опрокидывался, стоило чуть задеть колесом колею или край дерновой земли вдоль дороги. Были здесь еще тарантасы: в них ездил управляющий, их же отправляли на вокзал за почтой.

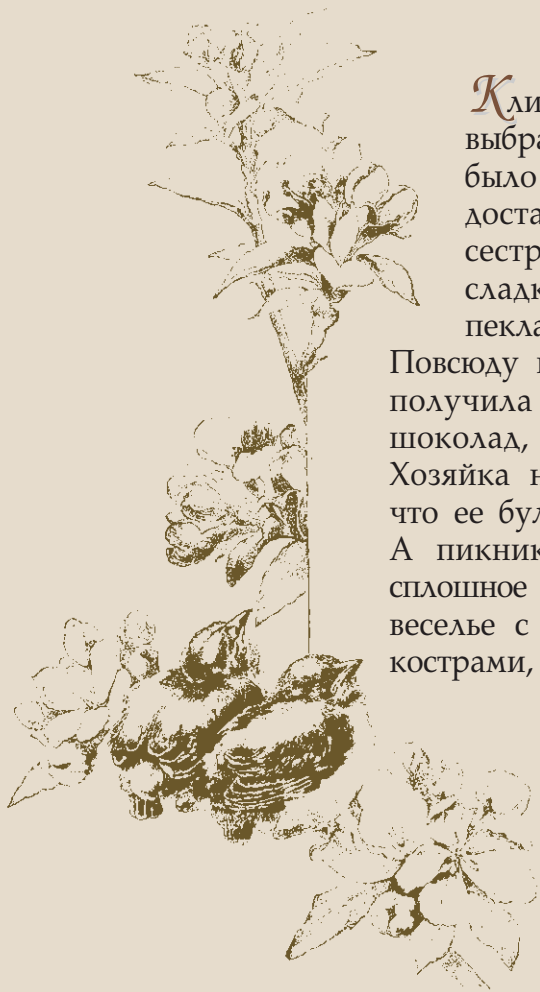
З.А. Шаховская. Свет и тени

Устраивали мы и пикники. Закладывали линейку, забирали самовар и еду и отправлялись куда-нибудь в лес, где была вода; там ставили самовар и, расстеливши на земле скатерть, пили чай и закусывали.

В.Д. Зёрнов.
Записки русского интеллигента

Клич был кликнут по всем соседям, было выбрано место на берегу Оки и между всеми было распределено, что каждый должен был доставить из продуктов. На долю моей сестры Лизы выпал вареный шоколад и сладкие булочки, которые она отлично пекла.

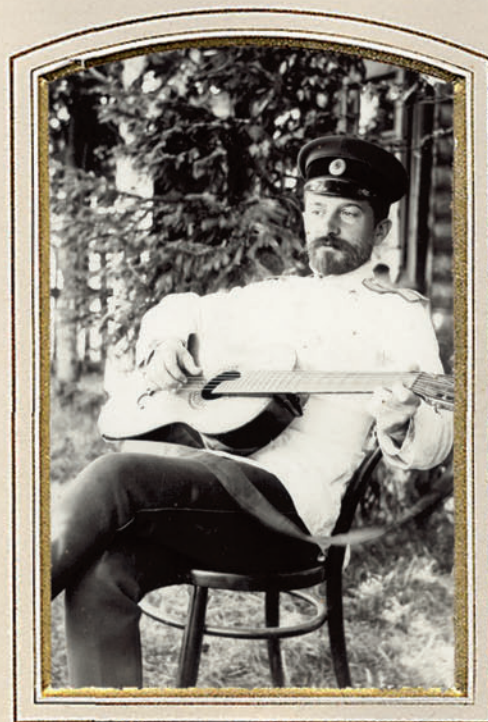
Повсюду пошли волнения и приготовления: Лиза получила с оказией из города нужный ей шоколад, и два дня ушли на печение булочек. Хозяйка не находила покоя, пока не убедилась, что ее булочки вышли на славу...

А пикник удался на славу. Для нас это было сплошное торжество. Всех охватило непринужденное веселье с играми, танцами и с ярко горевшими кострами, с варкой какой-то особенной каши.

Все разъехались, когда уже совсем стемнело, и все были дружные и радостные.

С.А. Зернова. Из семейной хроники

ВЕСЕННЕЕ

Ах, черт возьми, какая благодать!
Весна! Всего пять букв! А слово-то какое?!
В нем солнце, плеск ручья, зеленый шум лесов,
Девичий поцелуй, цветы и все такое,
Чего не перечесать, чему нет должных слов...
И хочется весь день до одури кричать:
«Ах, черт возьми, какая благодать!»...

Нет, прочь из города! В деревню, в лес, в Тетюши,
Где нет ни скептиков, ни Думы, ни газет,
Где можно всю весну и лето бить баклуши,
Валяться на траве, глазеть на Божий свет,
Ухаживать, есть борщ, пить молоко и спать!
Ах, черт возьми, какая благодать!

Николай Агнивцев

На обороте: «Женидьба»

В назначенный день все было готово к спектаклю. Вечер выдался теплый. Ромео и Джульетта были одеты и загримированы. Оставалось только начать представление, но это долго не удавалось по той причине, что луна упорно скрывалась за тучами и не хотела освещать сцену... Наконец, она вышла из-за туч. Тогда Джульетта водворилась на балконе и приняла мечтательную позу. Зрители были позваны, и началось представление. Ромео стремительно и нежно произносил свои речи. Он был очень поэтичен и весь предался романтике Шекспирова действия, не обращая никакого внимания на обывательский тон Джульетты.

Все шло своим чередом, как вдруг произошло нечто ужасное: на дорожке, ведущей к лужайке, где стоял Ромео, показалась неуклюжая фигура огромного мохнатого пса Арапки, проскользнувшего в сад со двора через неосторожно открытую калитку...

Это вторжение совершенно расстроило спектакль. Настроение было нарушено, мы с сестрой с трудом удерживались от смеха, а бедный Ромео был оскорблен в своих лучших чувствах.

М.А. Бекетова.
Александр Блок и его мать.
Воспоминания и заметки